

...А ему с платформы бурк:
— Это город Петербург!..

Через полторы минуты я буду переть сумки по лестнице парадного подъезда на Невском, 104. (Слева от «Восточных сладостей».) Под самую крышу. «Интерьерный театр» высоко сидит и далеко глядит. В нем есть все — от собственного Петропавловского собора до пенки для командировочного московского гостя. Проблемы только с пирогами. Уже несколько лет театр живет в складчину.

Вообще более странного театра я в жизни не видел.

Во-первых, а театр ли это?

Театр на троих

Я знаю многих, кто ответит на этот вопрос безусловно отрицательно. Я и сам, желая подразнить моего друга Николая, однажды зарифмовал:

**Спасает Мельпомену честь
Один театр, не так ли?
У них Беляк отменный есть,
Но где ж его спектакли?**

Николай сделал необычный вид, но заметил, что «Интерьерный» — это не один Беляк, но еще художник Марк Борнштейн и технолог Фуат Самигуллин. Я поблагодарил за разъяснение.

Ведь не хуже его знаю, почему театр не зарабатывает ни спектаклями, ни, скажем, елками и почему в зрительном зале на Невском выставка театральных костюмов петербургской архитектуры, а не живое действо.

Беляка я впервые увидел в знаменитой куртке Пушкинского Дома. По-питерски художник, с волчьим лицом, но не волчьими глазами, с вечной «беломориной» фабрики Урицкого в зубах, он диссонировал с вальяжной толпой пушкинодомцев. Хотя при желании мог бы с ней и слиться: его работы выходили в тех же «Исследованиях и материалах» и во «Временнике».

Шло выдвижение кандидатов в первый демократический Ленсовет. Оказалось, что ни одна госорганизация не хочет рекомендовать демократов во власть. «Интерьерный», выяснив, что ограничений в законе нет, выдвинул чуть ли не половину будущего Ленсовета.

Власть охнула. Власть зашла.

А отыгралась уже на Играх доброй воли, когда Собчак, двинутый в Ленсовет тем же «Интерьерным», поверив вкусу смолинской своей свиты, не допустил театр на открытие Игр.

Городские газеты, в те годы неуправляемые, звывли. На закрытие «Интерьерный» все-таки вынуждены были пустить. Но ни стране, ни остальному миру не показали. Телекамеры лишь скользнули по ожившим «интерьерным» сфинксам, живой Петропавловке и Александровской колонне и, взмыв вверх, сосредоточились на крупных планах рукоплещущего стадиона.

Телезритель решил, что трибуны аплодировали распутившемуся в ночном небе фейерверку.

На правительственной трибуне, прикинув к бронированному стеклу, как третьеклассники, ликовали Собчак с Черномырдиным.

И никто не знал, что неделю назад театр — двести актеров в полной экипировке и гриме на летней жаре под палящим демократическим мэром, который «лично» пообещал принять их работу, но даже не сообщил, что в последний момент передумал.

С того полдневного пекла у Стадиона имени Кирова и началась для Беляка черная полоса.

Год они держались. Потом Беляк побрился под ноль и собрал всю труппу. Актерам не

надо было объяснять, что происходит.

Театр продал все, что мог продать: мебель, видеокамеру, факс.

Не продали только коллекцию костюмов и компьютер.

Николаю — хорошо. От его Караванной улицы до театра — пятнадцать минут хода. Борнштейн и Самигуллин, если не было жетончика на метро, ходили на работу через полгорода.

— Знаешь, — сказал мне Николай много позже, — это очень странный город. Жить в нем могут только герои. И если герой ослаб, город его добивает.

Человекоподобный город

Создавая на двухмерном пространстве чухонских болот свой «парадиз», Трезини с Петром понимали, что только рукотворное третье измерение может удержать этот город. Иначе и впрямь, как спроста выразилась царица Авдотья, «Петербургу быть пусту».

Трезини, проитировав в Петропавловской колокольне московскую Меншикову баш-

Нитере своих земляков из Автоты и Гражданки.

В Париже еще в 91-м это поняли Андрей Донатович Синяевский и Марья Васильевна Розанова. Они сначала вцепились в любительскую телекамеру с выходом «Интерьерного» на улицы города. А когда в Фонтене-о-Роз пожаловал Беляк — то и в Беляка.

Тогда, еще до путча, казалось, что все будет легко и просто. Академик Лихачев и писатель Синяевский пророчили новый взлет русской культуры. Дмитрий Сергеевич Лихачев и возглавивший попечительский совет дома-усадьбы Державина Никита Алексеевич Толстой силой своего авторитета защитили «Интерьерный» от публичного растерзания.

Планировался выход «Интерьерного» на улицы Парижа. И старый политический вор Абрам Терц торжественно пообещал въехать в Париж впереди карнавальной процессии «Интерьерного» верхом на деревянном советском танке (при условии, что пушка танка будет завязана узлом).

Андрея Донатовича ровно год как нет с нами.

вручи его космонавту. И человеку на борту уже не так одиноко. У него появляется дело — переживать и сопереживать духовную историю человечества.

Вышедшее в открытый Космос рериховское Знамя Мира и дневник Баландина вместе вернулись в театр.

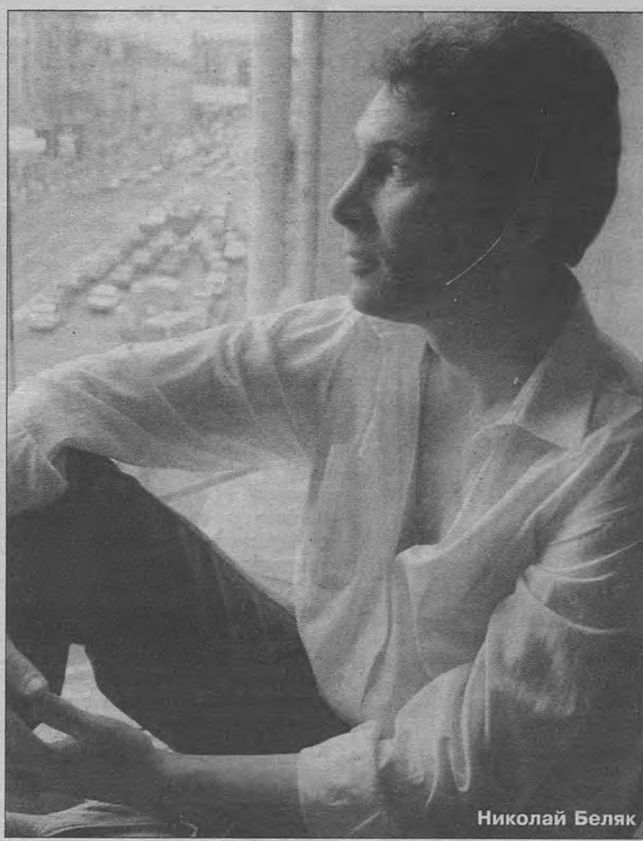
Впервые на борту орбитальной станции космонавты жили не по науке, а «по культуре».

Впервые человек, никогда не писавший стихов, оказавшись в космосе, почувствовал потребность их писать.

Так был получен ответ на давний, наивный, но очень точный вопрос социологов, лет тридцать назад спросивших у читателей «Комсомольской правды»: нужна ли в космосе ветка сирени?

Только вместо сирени были Ахматова и Пушкин.

А Питер из космоса и впрямь оказался таким, каким его увидел не поднимавшийся даже на воздушном шаре Доменико Трезини: четыре рукава Невы, как четыре колеблющихся ветром луча Андреевского флага.

Николай Беляк

ЧЕЛОВЕК-ТЕАТР

«Интерьерный» в Кунсткамере на фоне Готторпского глобуса и Пушкин выше Александровской колонны

но (архитектор Зарудный), проткнул художественное пространство аж до концептуализма: превратил архитектуру в скульптуру, поставил в центре города не колокольню, а фигуру самого Петра.

Когда художник Марк Борнштейн и режиссер Николай Беляк поняли это и в коллекцию театра появился трехмерный костюм Петропавловки (актеру пришлось учиться работать на ходулях), началась их коллекция «ожившей архитектуры».

Вдруг стало очевидным, что весь этот уже три века любимый и проклинаемый город каждым своим зданием человекоподобен. Он не музей, а карнавал.

Когда-нибудь в учебниках по истории искусства Петербурга напишут, что в конце 80-х годов XX века Беляк и Борнштейн первыми сумели прочитать каменную книгу Петрополя как единый связный текст. И нашли, как научить этому чтение, а значит, и способу жить в

Никиты Алексеевича — уже скоро пять.

...Боже, как любили и ненавидели «Интерьерный» в конце 80-х и в начале 90-х!

Ну хотя бы за программу «Космос — Человек — Культура», реализованную с февраля по июль 1990 года на борту орбитальной станции «Мир» вместе с НПО «Энергия» и космонавтами Александром Баландиным и Анатолием Соловьевым.

«Почему это придумал не я?» — изумлялся знаменитый московский режиссер.

Карнавал в ноосфере

Так вроде бы все просто: составь культурный календарь планеты на каждый день и

Карнавал на приколе

После Игр доброй воли в Смольном были уверены, что дни «Интерьерного» сочтены. Их изгнали из державинской усадьбы, когда стало ясно, что театр работает в режиме культурологического (властям казалось, что якобинского) клуба. Через уже управляемые городские газеты Смольный дал понять, как на самом деле надо относиться к этому «якобы театру».

На Невский зачастили про-веральщики.

При этом театр пытались использовать еще и по чиновничьей нужде. Если нечего было показать или некому встретить, если комитет по культуре мэрии забыл о визите принца Чарльза или о Днях Индии в

Санкт-Петербурге, в последний момент кидались к тому же Беляку.

А он действительно продал все что мог. Кроме души и идеи. Идея — «Городская мистерия-2003» и постановка карнавального действия о Петре. змее и Святом Граде была реализована в виде выставки на Невском.

«Прикольный» карнавал оказался в буквальном смысле на приколе. Костюмы городской архитектуры встали в витрины. Актеры, не бросившие театр и после увольнения, собираясь на праздники или вечера, скорбно становились с этой стороны стекла, и зрелище было сюрреалистическим. Ведь костюмы проектировались и шились не вообще, а на конкретного актера.

Так и стояли: где-то за окном Казанский собор, в витрине — его костюм, перед витриной — живой безработный актер.

Несколько раз, когда городу это и впрямь требовалось, Фуат с Марком разбирали витрины, и Казанский с Кунсткамерой, Адмиралтейство с Домом Сюзора, грифоны Банковского мостика и все, все, все выходили в город.

И фальконетовский Петр спорил с куклой Петра шемакинского, Екатерина Великая при посредстве державного жезла манипулировала нашитыми на подол марионетками-временщиками, Кунсткамера-костюм ревниво гляделась в зеркало своего земцовского оригинала, Смольный собор, к изумлению зевак, вертел головами-главками (каждая голова — актер).

Для выставки и для самих костюмов каждый выход в город был катастрофой. И тут уж молчальник Фуат начинал пощипывать свой турецкий ус, а похожий на доброго Карабаса Барабаса Марк Борнштейн (на самом деле просто Пала Карло, эмигрировавший в Питер из магнитогорского театра «Бу-

ратино»), ласково и удивленно бормоча, принимался колдовать над утратами.

Вбив в выставку все оставшиеся силы и все занятые у друзей деньги, они были обречены. Никакой спонсорской помощи уже не ждали. Но, окаменев в витринах, город сам их защитил.

И они выстояли до лета прошлого года, когда (спасибо предпринимателю Сергею Цыбукову) театр вышел сначала на репетицию первого Петербургского карнавала, а в белую ночь и на сам карнавал.

Смольный не посмел ни помочь, ни помешать.

Режиссер-максималист Николай Беляк, до пятидесяти лет не научившийся играть по правилам, в черном своем бархатном костюме (в том же, что и на баррикадах у Марининского в августе 91-го), с золотой стрелой (настоящая, бутафорская), под восторженный шепот ставшей горожанами толпы («Смотри, стрела пошла!..») и под причитания в рацию взорвавшегося милийского начальства («У него тут 50 тысяч человек, могут повернуть куда покажет!..») привел город к Празднику.

Получилось, как в стихах самого Беляка. Он прочел их мне прошлой зимой, а я запомнил:

**Шел рыцарь хоробрый
К дракону «на вы»,
Жалеючи ребра,
Щадя головы.**

**Дракон неумытый
Догнал храбреца.
Ударил копытой
Промежду лица.**

**Ударил и скушал.
И сказке конец.
А тот, кто не слушал, —
Тогда молодец!..**

Вот и этот — не слушал, чего ему пели про то, что не время и не место, про то, что «Интерьерный» — это не театр, а интеллектуальный клуб, про то, что дракон сильнее рыцаря.

Невский Ланцелот не убежал и не сдался.

И город его не оставил.

● Андрей ЧЕРНОВ
Фото Андрея «Вилли»
УСОВА и Татьяны
САМИГУЛЛИНОЙ

О.Р.С. Законодательное собрание Санкт-Петербурга приняло закон о финансировании второго Петербургского карнавала по программе «Интерьерного». Губернатор этот закон подписал. Но в коридорах Смольного поговаривают о секвестре. Если это произойдет, мы оставляем за собой право рассказать о тех, чья цель — убить в городе Праздник.

01.03.98